

маланкападобны шнар. Гэты шнар і рабіў Гары найнезвычайнейшым, нават у чарадзейскім свеце. Ён быў адзіным сведкам той таямнічай гісторыі, пасля якой хлопчык і апынуўся адзінаццаць год таму на ганку дурслеўскага дому» [5]. Или: «Галоўная зала выглядала сапраўды пышна. Тут быў і тузін накрытых шаццю елак і аплёўшае столу паўночнае зьяне з падубу і амелы, а зверху на прысутных падаў зачараваны снег, сухі і цёплы. Дамблдор праспяваў колькі сваіх улюбёных калядак» [5].

Еще в начале 20 столетия классики нашей национальной литературы стремились в создать текст, предназначенный белорусским детям. Так появилось «Першае чытанне для дзетак беларусаў» Алаізы Пашкевич и «Другое чытанне для дзяцей беларусаў» Якуба Коласа. Мы ни в коем случае не сравниваем эти две «Чытанкі...» и белорусскоязычный текст «Гарри Поттера». Но, тем не менее, у нас возникает устойчивое ощущение, что именно переводы ГП на белорусский язык способны стать любимым *чытвом сучасных беларускіх дзетак*.

Літаратура

1. Серия романов о Гарри Поттере [Электронный ресурс] / Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Серия_романов_о_Гарри_Поттере – Дата доступа: 11.02.2013
2. Отзовик [Электронный ресурс] / Отзывы обо всем на свете! – Режим доступа: http://otzovik.com/review_105274.html – Дата доступа: 11.02.2013
3. It's Yuliya's Blog!~ [Электронный ресурс] / Диссертация. Как в России переводили Гарри Поттера. – Режим доступа: <http://www.translatethatforme.com/dissertation/> – Дата доступа: 15.02.2013
4. Гарри Поттер: личная папка mmm [Электронный ресурс] / Анализ русских переводов Гарри Поттера. – Режим доступа: http://www.cnt.ru/users/mukhoyan/hp/hp_translations.html – Дата доступа: 16.02.2013
5. BelPotter.by [Электронный ресурс] / Ваш портал о Гарри Поттере и не только. – Режим доступа: <http://belpotter.by/about/> – Дата доступа: 20.02.2013

УДК 821, 161. 1-31 Прилепин 09

Н. В. Сулова

Восьмерка

В статье рассматриваются особенности литературной ситуации современной России, связанные со спецификой преломления на данном этапе ряда национальных архетипов, отражающих представления о пребывании россиянина в пространстве исторического процесса. Материалом для исследования послужил текст нового реализма, в частности, сборник «маленьких повестей» Захара Прилепина «Восьмерка».

Песни западных славистов о том, что такое русская литература, меня, честно говоря, никогда особо не впечатляли, равно как и тезис о том, что «большое видится на расстоянии». Однако само это сочетание слов – западные слависты – звучит почти как один из моих любимых интернет-мемов «британские ученые доказали», что влечет за собой непреодолимую потребность использовать его в качестве если не зачина, то своеобразной «буквицы». Так вот, с точки зрения западных славистов, система координат современной русской литературы определяется четырьмя именами: Владимир Сорокин, Захар Прилепин, Людмила Улицкая, Дмитрий Быков (именно в такой последовательности).

Неофициальные титулы писателей обычно говорят о них больше, чем перечни официальных наград-премий-номинаций. Да, Сорокин, действительно, Великий и Ужасный. Улицкая – Очень Поздняя Пророчица¹ – о ветхозаветной стилистике художественного мышления в данном случае не говорил и не писал только тот, кто ее не читал. Быков – Фонтанирующий и Всеобъемлющий. Прилепин – Брутальный, да к тому же еще самый успешный бренд русской литературы последнего десятилетия.

¹ Аллюзия на иудейский канон Ветхого Завета, в своей второй части (Пророки) представленный такими разделами, как Древние пророки и Поздние пророки.

Поскольку нынешняя эпоха – эпоха брендов, можно предположить, что достаточно адекватное представление о специфике эпохи складывается через обращение к особенностям функционирования наиболее удачных из порожденных в ее пространстве брендов. Опуская перечисление внешней атрибутики бренда «Прилепин» (к слову сказать, исключительно грамотно и качественно выстроенной), замечу, что его сердцевина, конструкт, на мой взгляд, наиболее кратко и емко определена Дмитрием Быковым через метафору «витамина»: в то время, когда читатели и писатели воспринимают бартовское определение свободы современного художника как свободы варьирования в качестве аксиомы, когда мнение Умберто Эко о совершенной невозможности объясниться в любви фразой «я вас люблю», не сославшись при этом на бульварный роман «какого-нибудь Лиала», безоговорочно принимается и разделяется, Захару Прилепину удастся создавать исключительно живую прозу, от которой веет чем-то порой пугающе первозданным. В этом смысле терминологическое определение тенденции, с которой все чаще соотносят творчество Прилепина, через понятие нового реализма, вполне жизнеспособно.

Что происходит с брендом «Прилепин» в настоящий момент? Он переживает процесс ребрендинга. Считается, что для весомых и стабильных брендов этот процесс опасен, но порой необходим. В случае с Прилепиным ребрендинговые мероприятия связаны с даже не литературной, а общекультурной ситуацией России сегодняшнего дня. Казалось, что ребрендинг начался с романа «Черная обезьяна» (2011), который одни критики сочли вершиной творчества Прилепина, а другие – главной его неудачей. Но после выхода в свет сборника «маленьких повестей» «Восьмерка» (2012) стало очевидным, что «Черная обезьяна» была, по большому счету, анонсом ребрендинга, который реально начался здесь и сейчас.

Сборник «Восьмерка» включает в себя восемь (кто бы сомневался!) произведений: непосредственная реализация «пацанской» фишки – одного из фирменных знаков Прилепина: «сказал – сделал». При этом очевидно, что заглавный образ несет в себе мощный символический потенциал, который аккумулирует не столько множественные художественные смыслы, сколько не менее множественные коды, актуальные для осмысления состояния российского (и не только) социума. Это и знак бесконечности – чем ни российская история, в которой все течет, но ничего не изменяется; и математически-психоделическая лента Мебиуса с ее безумной односторонней поверхностью, с причудливыми фигурами из переплетенных колец, получаемыми при разрезании – специфика любого значимого для этого социума выбора: куда ни кинь, все клин; и неизбежно появляющаяся при слабых ободах «восьмерка» на колесе, которую можно пытаться выправить самому или с помощью специалиста, можно раз за разом менять колеса, а можно попытаться ездить так и дальше – метафора судьбы социума и особого рода фатализма по отношению к ней; и ВАЗ-2108 с его жестким кузовом, который вроде бы как должен себя хорошо вести в ситуации бездорожья – это уже классика: если в России вспоминают о дорогах, то и вторая беда – дураки – неизбежно оказывается рядом...

На чем замкнулись петли «восьмерки» по которой движется российский социум в настоящий момент его бытования? Ответ Прилепина – на событиях 90-х, когда люди, которые, как и во все времена, хотят жить, любить и быть любимыми, оказываются заложниками властных амбиций так называемых политических элит, на первый взгляд, режущих по живому, расставляя народ по разные стороны баррикад, на деле же сковывая его одной цепью, оказывающейся столь сильно затянутой, что градус страстей повышается до того состояния, когда любовь переплавляется в свою противоположность. События 1993 года концептуализировали в сознании социума образ российской истории как истории противостояния: западники и славянофилы, красные и белые, коммунисты и демократы... Стремящиеся к любви чувствуют себя живыми, когда ненавидят: «Пусть гром гремит, / Пускай пожар кругом: / Мы – беззаветные герои все, / И вся-то наша жизнь есть борьба!» Жить – это, почти по Лимонову, несмотря на то, что уже устал сражаться, страшиться умереть не героем. Поэтому разрешение любого противостояния – чисто внешнее: всегда сохраняется тлеющий уголек, искра, из которой с неумолимой периодичностью вновь разгорается пламя.

В книге Прилепина о 90-х нет повестей, живописующих штурм Останкино или обстрел Белого дома. Но разные стороны баррикад материализуются на всех уровнях. И то, что

эти баррикады во многом иллюзорны и существуют порой только в человеческом сознании, делает их еще страшнее. Противоположные, но соединенные как кольца разрезанной ленты Мебиуса, полюса сборника задаются повестями «Восьмерка» и «Допрос». Герои – ребята-зверята, только одни – дикие, другие – домашние.

Дикие зверята – мальчики-омоновцы, которые в белой «восьмерке» «перед утренней зарею ... дружную толпою / Выезжают погулять, / Серых уток пострелять, / Руку правую потешить, / Сорочина в поле спешить, / Иль башку с широких плеч / У татарина отсечь...» Утки, они же сарадины, они же татары – мафиози местного разлива, но ничего общего с карающим мечом правосудия омовские дубинки не имеют. Натуралистические brutальные сцены драк заставляют вспомнить знаменитое д'артаньяновское «я дерусь, потому что я дерусь».

Домашние зверята – интеллигентные мальчики творческих профессий, которые, пребывая в своем полуанабиозе, о баррикадах и не помышляют, вдруг на них оказываются, будучи обвиненными в убийстве. Не менее brutальная сцена допроса в отделении милиции вдруг до боли ясно высвечивает табличку «выхода нет», тщательно прикрученную к глухой стене, окружающей их совсем крошечный мир, в котором им, по правде говоря, никогда не было по-настоящему хорошо.

Когда у мальчиков из «Восьмерки» отнимут их баррикаду (отношения с криминалитетом, растающим в бизнес и политику, теперь будут строиться по-новому), история трех мушкетеров стремительно завершится: они ничего не могут, они ничего не значат, их дружба – всего лишь инстинкт принадлежности к одной стае. Они перестают жить фактически так же, как сбитый их «восьмеркой», когда она еще была боевым конем, авторитет Буц. Когда у мальчиков из «Допроса» возникнет своя баррикада, они ощутят необходимость начать жить: свершить акт справедливого возмездия по отношению к злодеям-операм, преодолеть бурную реку на старой лодке, но смены таблички не произойдет: один полезет в петлю, другой потерпит «кораблекрушение» – и оба вернутся в свой крошечный мир, который теперь будет казаться еще меньше: они ничего не могут, они ничего не значат, их дружба – всего лишь инстинкт принадлежности к одной породе. Они вновь перестают жить, только сейчас они об этом знают.

А в центре колец этой восьмерки – повесть «Витек», герой которой, мальчик, живущий в деревне у железнодорожной насыпи, где, почти по-блоковски, ежедневно проносится московский поезд, скажет испуганной девочке, высаженной вместе с другими пассажирами из вагонов, куда грузятся солдаты, направляющиеся на возводящиеся в столице очередные баррикады: «Я не зверь». Не зверь – в противовес демонстративному изображению жизни как сплошной череды бессмысленных и беспощадных кровавых эпизодов, представляющих реальность мифа жизни-борьбы.

Книга Захара Прилепина обнажает характерную для современной русской литературы тенденцию: она живет настоящим, в котором настойчиво пытается отыскать ростки прошлого, страшась, что некогда посеянные семена не проросли не менее чем того, что эти семена дали слишком пышные всходы. Взгляд в будущее затруднителен – перспективу застилает призрак баррикады. И ничего с этим пока поделать нельзя.

УДК 821.161.1-3

Е. А. Торопыно

Испытание Сибирью в прозе В. Г. Распутина

В статье рассматривается вопрос функционирования мотива инициации в творчестве В. Распутина (на примере рассказа «Век живи – век люби»). Выдвигается и обосновывается гипотеза, согласно которой в творчестве писателя мотив инициации становится неотъемлемой